

Перевод библейских, а также коранических названий священных книг в письменных памятниках татар Великого княжества Литовского и польских переводах Библии и Корана

JOANNA KULWICKA-KAMIŃSKA

Instytut Języka Polskiego, Uniwersytet Mikołaja Kopernika, ul. Podmurna 74, PL-87-100 Toruń
E-mail: abigail@umk.pl

(Received: 28 May 2011; accepted: 7 September 2011)

Abstract: The purpose of this analysis is to present the manner of translating the titles of holy books from Hebrew, Greek, and Arabic by Polish and Lithuanian Tartars and by Polish translators of the Bible and the Quran. It also attempts to define the scope and the nature of relations between the translations of the Bible and the Quran and to present the picture of the books in question on the basis of selected source texts. The source texts vary in terms of form and origin and the vocabulary was excerpted from such materials as historical writings of the Polish and Lithuanian Tartars (the texts were written in Arabic and required transcription and transliteration) as well as translations of the Quran into Polish. The words were also selected from the translations of the Bible (16th-century, 17th-century, and contemporary versions).

Keywords: lexis, lexicography, religious terminology, translation, phraseology

Настоящая статья посвящена представлению способов перевода названий священных книг из древнееврейского, а также из греческого и арабского языка в словесности литовско-польских татар, а также в польских переводах Библии и Корана.

Это также попытка выявить, являются ли фразеологические обороты, присущие словесности литовско-польских татар и польским переводам Корана, характерными для этих текстов при образовании так называемой коранической фразеологии, а также в какой степени они отражают библейскую фразеологию, или ресурсы общего польского языка и его северо-восточного варианта. Если удастся подтвердить факт аналогий в образовании библейской и коранической фразеологии, в дальнейшей части будут определены сфера и характер взаимоотношений между библейскими и кораническими переводами. Статья является также попыткой указать общую картину священных книг, вытекающую из анализируемых оригинальных текстов.

Источником выборки лексики являются печатные переводы Корана на польский язык и памятники литовско-польских татар, написанные арабской графикой, требующие транскрипции или транслитерации. Это религиозные мусульманские тексты – для их выборки использовался тематический критерий. К этим текстам принадлежат:

1) происходящие из XVII века первые сохраненные копии татарских памятников XVI века: *Kitab z Kazania* [KK], *Chamaif lipski* [ChL] (транслитерация: MIŠKINIENĖ 2001);

2) тексты XVIII века: *Teфсир* 1725 г. – фрагмент [T1] (транслитерация: MEREDITH-OWENS-NADSON 1970), *Teфсир* 1788 г. – фрагмент [T2] (рукопись: Łapicz), *Kitab Łuckiewicza* – фрагмент [KŁ] (транслитерация: STANKIEWIČ 1933–1934) и *Kitab Milkamanowicza* – фрагмент [KM] (транслитерация рукописи: ŁAPICZ 1986; филологический перевод: JANKOWSKI-ŁAPICZ 2000);

3) тексты XIX века: выборка лексического материала китабов XIX века в форме словарей, обработанных С. Акинером (АКИНЕР 1973) [A] и А. Вороничем (WORONOWICZ 1935) [W], а также *Wykład wiary machometañskiej czyli islamskiej* Я. Соболевского (1830) [Ww];

4) печатные переводы Корана в XIX–XX веках: *Коран*, приписываемый Я. М. Тарак-Бучацкому (1858) [KB1], *Wersety z Koranu* в переводе Я. Шынкевича (1935) [WzK], *Коран* в переводе Ю. Белявского (1986) [KB2], *Święty Koran* (1990) [K3].

Следует обратить внимание на то, что рукописные памятники словесности литовско-польских татар и печатные переводы Корана составляют две отдельные группы источников, потому что первые переводчики Корана на польский язык, филоматы¹ Д. Хлевинский и И. Домейко, – как это вытекает из исследований, из-за незнания типологии словесности литовско-польских татар (что подтверждает в своих памятниках и Францишек Мицкевич, брат Адама Мицкевича), – не пользовались религиозными книгами литовско-польских татар, хотя перевод филоматов и базирующийся на нем перевод, приписываемый Яну Мурзе Тарак-Бучацкому, возникли в среде татар.

Базу источников сведений составляют также польские печатные переводы Библии: *Biblia brzeska* (1563), *Biblia nieświeska* (1572), *Biblia* в переводе Я. Вуйка (1599), *Biblia gdańska* (1632), а также, для сравнения, современный перевод: *Biblia Tysiąclecia*.

Оценивая как старопольские переводы Библии, так и переводческую деятельность литовско-польских мусульман, а также печатные переводы Корана на польский язык в XIX–XX вв., следует отдать себе отчет в трудностях и ограничениях, с которыми сталкивались переводчики.

По И. Квилецкой, в старо- и среднепольский период

с одной стороны, трудности вызывал наш родной язык, сырой еще и мало приспособленный к отражению сложных понятий и новых терминов, с другой же стороны, препятствием оказывался низкий уровень знаний о многих основных фактах и делах, которые переводчик встречал в подлиннике, – таких далеких и чуждых польской действительности, – для которых надо было найти эквиваленты в польском языке... Библия же – в особенности Ветхий завет – является

¹ Филоматы – тайное патриотическое и просветительское объединение студентов Виленского университета. Объединение действовало в 1817–1823 гг., его членами были поэты, ученые, общественные деятели, например, Адам Мицкевич, Юзеф Ежовский, Ян Соболевский.

произведением особо трудным для перевода. Подлинник возник в древние времена, в нескольких периодах, был произведением другой культуры, написанным на трех языках разными авторами, заключал в себе разные литературные жанры и разнообразное содержание (KWIĘСКА 2003: 96).

Итак, тем, что причиняло переводчикам больше всего трудностей, был вопрос соответствующего отражения библейской действительности. Аналогичная ситуация существовала в письменности литовско-польских татар – необходимость передачи в славянском переводе (т. е. в польском или белорусском языке, особенно на уровне функционального и стилистического развития в XVI веке) специфики исламской религии, возникшей в другое время и в другой культуре, направляемой к совсем другой общине верующих и первоначально запечатленной с помощью структурно отличного от славянских языков арабского языка и алфавита (ŁAPICZ 2007: 100). Отсюда вытекает проблема непереводаемости религиозной терминологии ислама на славянские языки, последствием которой является и функционирование оригинальной, арабской или турецкой терминологии (ср. перемещение в неадаптированной форме, например, *zabūr* в КМ, или славизированной, например, *ziebur*, *źebur* у W, A из ар. *zabūr* ‘книга псалмов, псалтырь’), иногда заменяемой в описательной форме (например, ар. *kitāb* – *Священное писание* в КМ), а также использование – путем переводческой аналогии – христианской терминологии (ср. *perše kšengi mōjžešōve* в ChL), или образование неологизмов (ср. *śądziciel* ‘Коран’ – отглагольное название исполнителя действия, образованное с помощью очень продуктивного в XVI веке форманта *-ciel*; пример антропоморфизации) и неосемантизмов (ср. *itam* в значении ‘священная книга’).

Итак, в польских переводах Корана и Библии наблюдаются три основных способа передачи как собственных, так и нарицательных имен: 1) перемещение (перенесение термина в иноязычной форме как цитаты), 2) славизация (формально-семантические заимствования, т. е. заимствования формы и значения слов, а также их адаптация к грамматическо-лексической системе польского языка), свидетельствующие о проблеме непереводаемости религиозной терминологии на славянские языки, а также 3) перевод (поиски семантических эквивалентов в родном языке) – можно назвать несколько методов перевода, например, замену иноязычного термина его значением, замену иноязычного названия названием из родного языка (о приближенном значении, употреблении метонимии или перифразы ср. KWIĘСКА 2003: 302), антономазию, а также образование неосемантизмов и неологизмов (прежде всего морфологические дериваты, возникшие путем суффиксации).

Кроме того, в письменности литовско-польских татар названия конкретных книг (как глоссы) могут появляться в тексте перевода, несмотря на то, что они не содержатся в подлиннике, например, ар. *al-kitāb* ‘Коран, Библия’ передается в Т1 как *kšenga*, но рядом с переводом дается объяснение, на какую конкретную книгу указывает автор: ср. *kšenga korān*, *kšenga t'ewrīt* или *ta kšenga* в значении ‘Коран’ или сочетание ар. *mā* ‘что’ и ар. *anzala* 1. ‘опускать, спускать’; 2. ‘снижать, понижать’; 3. ‘принимать, угощать кого-то’;

4. ‘приземляться, спускаться’; 5. ‘открывать что-л. (о Боге)’ переводится как *co zesłał*, а затем перечисляются конкретные книги: ср. *cō zeslal nam korān i cō zeslal žwītk’ī prikezana dō abrahāma i dō izma’īle i dō izika i dō je’kūba i dō prōrōkōw sinōw je’kūbōwich jezusa i cō śmi dali mōjžešu t’ewrīt’ ā jezūsu ingīl*.

Арабская или турецкая терминология, перенятая в оригинальном виде, или претерпевшая изменения под влиянием славянских языков, выступает прежде всего в письменности литовско-польских татар. А вследствие этого подчеркивается ее непереводаемость и тем самым отсутствие адекватных лексических и семантических эквивалентов в польском языке, а также указывается на то, что она должна быть понятна для мусульман, принимающих участие в религиозной жизни общины. Тенденцию же возвращать оригинальное правописание иноязычных имен можно наблюдать в КЗ, этим самым выделялась их особенность, ключевая роль в исламе, а также верность арабскому подлиннику.

К заимствованным в подлинной форме названиям священных книг принадлежат: *Inḡīl* (Т1, КМ), *Qur’ān* (КМ), *Al-Furqān* (КМ, КЗ), *Zabūr* (КМ), *Torah* (КЗ), *kitāb* (КМ).

Славизированные слова, также непереводаемые на польский язык: *imam* (А), *Indźyl*, *Indźil* (W, А); *kuran* (КК), *ku’rān* (Т1), *kurān* (Т2), *kur’an* (А, КЛ); *furkan* (А, W); *T’ewrīt’* (Т1), *Tevrjit* (Т2), *Tawrīt* (КМ), *Taur*, *Tawry*, *Tewrat* (W), *T’evrit’* (А); *Żebūr* (Т1), *Ziebur* (W), *Żebur* (А); *mewni* (W); *kitab* (W, А), *kitabullach* (W).

Выступающие в переводах Корана в XIX–XX вв. имена собственные как *Tora*, *Ewangelia* и сочетание *Księga Psalmów* отмечаются также в словарях польского языка и в польских переводах Библии. Названия же *Koran*, *Psalmu* и *Psalterz* являются общими для польских коранических переводов и лексикографических источников. Их можно классифицировать как заимствования. В письменности литовско-польских татар и в КВ1 кроме того появляется название греческого происхождения, в польском языке классифицируемое как заимствование, отмеченное в SPolXVI, а также в других лексикографических работах как *Pentateuchum*. Содержащиеся в памятниках литовско-польских татар имена собственные, такие как *kuran*, *keran* и *korān* являются славизированными формами ар. *al-qur’ān*, или отражают состояние северо-восточного варианта польского языка, так как в словарях польского языка отмечаются формы *kuran* и *korān* (ср. SPolXVI, Картотека Spol XVII и XVIII вв.), причем в лексеме *kuran* можно отметить типичные для северо-восточного региона Речи Посполитой сужение *o > u*. В форме же *keran* выступает характерное для заимствованных слов колебание *o – e*.

В коранических переводах присутствуют также структурные заимствования, т. е. кальки, например, ар. *kitāb* + ‘*allāh* ‘книга Бога’ переводится как *Księga Boga* (КВ2) и *Księga Allacha* (КЗ), или ар. *kitāb mūsà*, переданное как *Księga Mojżesza* (КВ2, КЗ). Аналогическая ситуация имеет место в письменности литовско-польских татар – ср. выражение *kšenge bōže* (Т1) из ар. *kitāb ‘allāh*, или *piśmō bōže* (Т1) как эквивалент ар. *āya* и ар. ‘*allāh*.

На основании анализируемых религиозных текстов можно утверждать, что такие слова как *Koran*, *Pentateuchum* (Pięcioksiąg, Пятикнижие) или *Tora* можно зачислить в разряд имен собственных. Лексемы *Ewangelia* или *Psalm*, в свою очередь, в зависимости от значения, принадлежат или к именам собственным (как названия священных книг – отнесение только к одному денотату), или к именам нарицательным.

Следует обратить внимание и на особенный статус имен собственных в Священном Писании и Коране, потому что они здесь исполняют не только идентификационную функцию, но также могут характеризовать денотат. Ибо имена собственные очень часто не только выполняют обозначающую функцию, но и имеют конкретный смысл, что в существенно влияет на специфику библейской и коранической ономастики. В связи с этим переводчики сталкиваются с вопросом, оставить ли подлинное значение иноязычного названия (это в особенности касается названий, происходящих из семитских языков, например, *qur'ān* в арабском языке значит 'чтение, лекция', а *tôrāh* в древнееврейском – 'учение, назидание, право'), асемантическое в польском языке, или же воспользоваться семантическим эквивалентом в родном языке.

Анализируя проблематику перевода христианской и мусульманской религиозной терминологии следует учесть также исторические процессы перехода библейских и коранических имен собственных в разряд имен нарицательных, например, *ewangelia*, *psalm* как названия священных книг относятся только к одному денотату и принадлежат к категории имен собственных, а в других значениях – к категории имен нарицательных, а также обратных процессов, т. е. перехода из имен нарицательных в собственные (явление, чаще наблюдаемое в анализируемых процессах) (ср. DŁUGOSZ-KURCZABOWA 2007: 91–103), например, *dowód*, *dziedzictwo*, *taska*, *miłosierdzie*, *przewodnictwo*, *przypomnienie*, *rozróżnienie*, *rozstrzygnięcie*, *szczęście*, *światło*, *światłość*, *uzdrowienie*, *słowo*, *napomnienie* и т. д. как названия священных книг, выступающие в печатных переводах Корана.

Зато как в библейских, так и коранических переводах существует многочисленная группа слов, которую можно зачислить в категорию имен нарицательных, но их онтологический статус специфичен. Они находятся на грани ономастического и нарицательного пространства – это определенные дескрипции о значении близком к нарицательному и об отношениях – в некоторых контекстах – к единичному объекту, т. е. одновременно коннотируют и назначают, исполняют представительную, идентифицирующую функцию (ср. Советка 2006: 297). Некоторые из них пишутся, особенно в современных переводах, с прописной буквы (причем это не всегда последовательно соблюдается), например, в разных переводах *Księga*, *Pismo(a)*, *Tablice*, а также *Słowo*, *Światło*, *Przewodnictwo*, *Przypomnienie*, *Proroctwo* (K3).

Но в библейской и коранической переводческой практике прежде всего используются языковые средства родного языка. Можно привести целый список названий, образованных с помощью языковых механизмов номинации, таких как метонимия или неосемантизация. В анализируемых переводческих

текстах религиозного характера выступают также многочисленные перифразы и антономазии.

Общими для переводов Библии и Корана являются такие метафорические (образованные путем неосемантизации) названия священных книг как *mądrość* (все коранические переводы) и *prawda* (все коранические переводы). Другие термины, хотя определяют Слово Божье, не являются в Библии номинациями книги: ср. *droga*, *dziedzictwo*, *łaska*, *napomnienie*, *nauka*, *światło*, *wyroczenia*. В коранических же переводах выступает большая разновидность неосемантических определений духовных книг, коннотирующих милосердие и милость, мудрость и вытекающие из них учение, истину, свет и право, а также исцеление, например, *dowód* (KB2, K3), *dziedzictwo* (KB1), *łaska* (KB1), *miłosierdzie* (KB1, KB2), *przewodnictwo* (KB2, K3), *przypomnienie* (KB2), *rozróżnienie* (KB2), *rozstrzygnięcie* (KB2), *szczęście* (KB1), *światło* (все коранические переводы), *światłość* (KB1, KB2), *uzdrowienie* (KB2). Среди них можно также выделить антропоморфизмы *przewodnik* (все переводы), *stróż* (KB1, только в перифрастическом использовании – *stróż mądrych*, *stróż wiernych*).

Родные лексические и семантические эквиваленты существуют также в письменности литовско-польских татар. Это, например, антропоморфизмы *prīwodca* (T1), *sonicel* (KM) или неосемантизм *direkcija*, *derekcijón* (T1, T2), относящиеся к Корану.

Отличным от неосемантизации механизмом номинации является метонимия. К метонимии Библии и Корана принадлежат *księga*, *pismo* и *słowo*, а также случаи, когда содержание книги становится ее названием: ср. *objawienie* (KB2, K3), *opowiadanie* (KB2), *prawidło* (KB1), *prawo* (KB1), *proroctwo* (KB1). Свойственные же переводам Корана использования метонимии: *napomnienie* (KB2), *nauka* (KB1), *przestroga* (KB1), *znak* (KB1), а также *tablice* (KB1). А чаще всего они заменяют собственные названия конкретных книг. В таком использовании можно их классифицировать как антономазии.

При этом слова *słowo*, *pismo*, *księga*, *wykład* как номинации священных книг имели место и в письменности литовско-польских татар. В памятниках польских мусульман можно заметить колебания в выборе адекватного эквивалента, например, дублиеты *księga* и *kitab* (*kitāb*), *wykład* и *mewni*.

В анализируемых коранических переводах выступают также многочисленные перифразы: ср. *historia prawdziwa*, *księgi święte / święte księgi*, *pismo przestroga*, *pismo święte*, *pochoźnia wiary*, *prawidło spraw waszych*, *prawidło wiary*, *prawidło obowiązków*, *przykazania jasne*, *święte tablice* и т. д. (KB1); *jasny dowód*, *droga prosta*, *wielka nowina*, *przedmiot sporu*, *radosna wieść*, *oczywiste wskazówki*, *znak(i) jasny(e)*, *najpiękniejsze opowiadanie* (KB2), в том числе расширенные номинальные фразы: *rękoźmia łask niebieskich*, *rękoźmia Boskiego miłosierdzia*, *rękoźmia łask boskich*, *skład świętej wiary*, *skład prawdziwej wiary / skład wiary prawdziwej*, *zbiór najlepszych prawideł* и т. д. (KB1).

Перифразы появляются и в библейских переводах. К ним принадлежат, например, *Dobra Nowina* ‘Ewangelia’ (все переводы), *prawo Mojżesza*, *prawo Pańskie* ‘Tora’ (BT). Среди перифраз, выступающих в письменности литовско-

польских татар, можно выделить *istōtna prawda* (Т1), *dekret boži* (КМ), *żwitk'ī prikezana* (Т1), а также заимствованное выражение *kalāmu Allāhi* (из ар. *kitāb 'allāh*), или частично сохраняющее первоначальную форму, а частично переведенное выражение *kitābom verχ* (из ар. *kitāb* 'книга'), т. е. 'вершина книг' как название Корана.

Лексика переводимого текста, как в своем содержании, так и в форме, детерминируется текстом подлинника, что приводит к симплификации, например, ар. *kitāb mūsà* переводится как *Pentateuchum* (КВ1), а также к амплификации, ср. древнеевр. *b^ošôrāh* – *dobra nowina* (BN, BW, BG, BT), *radosna nowina* (BT), *dobre poselstwo* (BB), *rzeczy pocieszne* (BG), *wieść radosna* (BT) и др.; ар. *bušrà* – *obietnice Pańskie* (КВ1), *radosna wieść*, *wielka nowina* (КВ2), *dobra nowina* (К3); древнеевр. *tôrāh* – *prawo Mojżesza*, *prawo Pańskie* (BT); ар. *ħukm* – *jasny osąd* (К3); ар. *qaul* – *słowo wiary* (КВ1); ар. *bayyina* – *wyrocznie Boskie*, *zbiór najlepszych prawideł* (КВ1), *jasny dowód*, *znak(i) jasny(e)* (КВ2), *wyraźny dowód*, *wyraźny(e) znak(i)* (К3); ар. *hudan* – *prawidło wiary*, *światło wiernych*, *światło wierzących* (КВ1), *droga prosta* (КВ2) и т. д. Причем тенденции к амплификации наблюдаются прежде всего в переводе филоматов (КВ1).

Анализируя переводческие труды, следует упомянуть одноэквивалентность, а также полиэквивалентность /вариативность. Библейские и коранические переводы (в области анализируемых терминов) обычно характеризуются полиэквивалентностью, так как большинство слов в языках-источниках являются полисемантическими, и переводчики Библии и Корана стараются передать эту многозначность.

С полиэквивалентностью связаны альтернации: а) возникшие вследствие использования слов и форм, принадлежащих к одной группе родственных слов, но к разным грамматическим категориям (например, древнеевр. *'emet* передается как *prawda*, но тоже как *prawdziwy*, *prawdomówny*, *prawy* – ср. BG; ар. *ħakīm* переводится как *mądrość*, *mądry* – ср. КВ2), б) чередования, возникшие вследствие использования слов, принадлежащих к одной или разным группам родственных слов (также иноязычного происхождения) и к одной грамматической категории – словообразовательные формации (например, древнеевр. *'ôr* переводится как *światło*, *światłość*, *świecenie* – ср. BG; аналогически – ар. *hudan* передается как *światło*, *światłość* – ср. КВ1), или эквиваленты с совсем другим значением: например, ар. *kalīm* переводится как *pismo* (*święte*) и *wyrok* (КВ1); ар. *āya* передается как *nauka*, *znak*, *księga* (КВ1); ар. *hudan*, переводимое как *droga* (*prosta*), *przewodnictwo*, *prawda* (КВ2) и др. (ср. ВІЕЊКОВСКА 1999: 22–23).

Одной из причин возникновения таких различных альтернатив является стремление переводчиков к синтаксической корректности целевого языка, а также к сохранению ясности смысла. Отсутствие грамматического тождества между словами оригинального текста и текста перевода является часто результатом сознательных поисков такой формы перевода, которая больше всего, с точки зрения грамматической корректности, отражает синтаксическую функцию слова в предложении, например, древнеевр. *rō'š* переводится

как *głowa*, *książę* или *hetman*, а также как *przedniejszy*, *przełożony* (BG); ар. *tanzīl* – как *pochodzić od*, *zostać*, *czynić obietnice* (KB1); ар. *tadkira* – как *uczyć* (KB1) и т. д.

Обогащенное и разнообразное количество эквивалентов, с помощью которых в переводе передается одно слово оригинального текста, следует рассматривать как результат контекстуального перевода. Таким способом возникли комбинаторные синонимы, например, *pismo-stróż* из ар. *ḍikr*, *pismo* (*święte*)-*wyrok* из ар. *kalim*; *uzdrowienie-pociecha* из ар. *šifā'* (KB1); экспрессивные (отмеченные, например, в К3: *taska-litość* из ар. *raḥma*) или стилистические: например, *świadectwo-mandat* из древнеевр. *'ēdāh* (BW); *widzenie-proroctwo* из древнеевр. *ḥāzôn* (BG); *znak-cud* из древнеевр. *'ôl* (BB, BG); *uzdrowienie-uleczenie* из ар. *šifā'* (KB2) (ср. WIENKOWSKA 1999: 26–29).

Итак, существуют разные мотивации подборки эквивалентов, зависящие от структуры и значения оригинального текста, а также от лексических ресурсов польского языка, современного с точки зрения переводчика. Можно назвать несколько видов мотивации:

1) В случае семантической мотивации варьирование эквивалентов может быть обусловлено полисемией переводческих основ, для которых переводчик подбирает разнообразные – в зависимости от контекста – показатели в родном языке. Это является причиной возникновения переводческих дублетов, например, древнеевр. *tôrāh*, если в определенном контексте выступает в значении названия книги, библейские переводчики используют заимствование *Tora* (BT), эквивалент в родной речи *Prawo* или же выражения *Prawo Mojżesza*, *Prawo Pańskie*; а в значении имени нарицательного в библейских переводах используют эквиваленты *nauka*, *wskazówka*, *przepis* или вышеупомянутое *prawo*. Например, ар. *kitāb* передается как *księga* (KB1, KB2, K3), *pismo* (KB1, KB2), *słowo* (KB2, K3), а также *nauka* (KB1), *przykazanie* (K3) и т. д.; ср. также *Koran*, *Ewangelia*, *Tora*, или ар. *ḍikr*, переводимое как *pismo przestroг*, *przestroga*, *przepis*, *nauka*, и даже *stróż* (*mądrych*) (KB1), *napomnienie* (KB2, K3), *przypomnienie* (KB2, K3), *źródło* (*zaszczytu*) (K3).

2) В случае композиционной мотивации наличие лексических чередований вытекает из композиционных черт произведения (поиски синонимических эквивалентов для отражения ряда синонимов в оригинальном тексте): ср. *światło-zorza* (BW) как перевод древнеевр. *'ôr*, *pieśń-piosnka* (BB); *pieśń-muzyka* (BW) как перевод древнеевр. *miz³môr*; *wieść-nowina* (KB2) как перевод ар. *bušrā*; *księga-słowo* (KB2, K3) из ар. *kitāb* и др. (WOŹNIAK 2002: 63–97).

В письменности литовско-польских татар (в области фразеологии) большинство использований подтверждается в словарях польского языка и в библейских переводах, известных татарам хотя бы из религиозных полемик. Итак, например, выступающие в письменности литовско-польских татар перифрастические определения Корана или духовных книг до Корана, то есть *słowo Boże* или *słowa Boże* подтверждаются как в польских лексикографических источниках, так и в Библии, в отношении к 'Евангелии' или к целому 'Священному Писанию'. Богатая фразеология с использованием слова *księga*

находит подтверждение также в словарях польского языка и в польских библейских переводах. Сюда относятся выражения типа *perše kšengi mōjžešdōve* (ChL), *kšengi samū'elove* (ChL), *perše kšengi krūlevšk'e* (ChL), *kšenga s-prawdą* (T1) или *księgi boskie* (Ww), *księga Boża* (T1); аналогически – фразеологические обороты со словом *pismo*, выступающие в письменности литовско-польских татар, отмечаются в лексикографических источниках и в польских переводах Библии: ср., например, *pismo Boże* (KK, T1, T2), *pismo święte* (KM).

Наличие в польском языке выражения *zwitek ksiąg* и *żwitek'ī prikezana* (T1) подтверждает SPolXVI. В источниках встречается перифрастическое определение святой книги ислама – *istōtna prawda* (T1). Выражение *istotna prawda* в значении 'prawda poświadczona, potwierdzona' отмечается в SPolXVI, причем *prawda* понимается там как 'действительность, фактическое состояние; очевидность'. Корану дается также название *kšenga pravdiva* (T1, T2), но это выражение не присутствует в Библии и в словарях польского языка, равно как и *knigi ōd bōga zōzlane* (или *zestane*). Особенностью письменности литовско-польских татар имеются также выражения, в которых стержневым является слово *Koran* – ср. *Qur'ān šveti* (KM) / *korān šwentij* (T1), *kur'an považnij i mondrij* (KL) / *považni i mondri* (KM), *keran Božij* (KL), *korān čistōśc majoncij* (T1). К ним принадлежат также выражения, выступающие как перифразы: ср. *Koran przewyborny*, *Koran przedwieczny i niestworzony* (Ww).

Богатая же фразеология, появляющаяся в коранических переводах в отношении священных книг, только в небольшой степени находит подтверждение в польских библейских переводах и лексикографических источниках. В библейских и коранических переводах выступают сочетания *księga prawdy* или *księga Prawd* (KB1), *słowo wiary* (KB1), *słowo Boga*, *słowo Pana* (KB2).

Общими для Библии и Корана являются также выражения *światło prawdziwe* и *prawdziwe światło* (KB1), однако в первом случае предметом является Коран, а во втором – Сын Божий Иисус Христос. Подобным образом библейские выражения *droga prosta* / *prosta droga* или *droga Boża* обозначают 'способ поведения', а не 'книгу' (KB2), хотя аспект слова *droga* как Слова Божьего известен также переводам Библии. Аналогически выражения *światłość (dla) narodów*, *światłość ludzi*, *światłość świata* (KB1) обладают разными значениями, потому что в Священном Писании они относятся к избранному народу – Израилю, или к Сыну Божьему – Иисусу, или к христианам и проповедуемому ими учению. Но в анализируемых примерах из Корана они являются синонимами книги; также *jawny znak* (KB1) присутствует в ВТ, но в значении 'чудес', совершенных апостолами, а не 'книги'; *radosna wieść* (KB2) содержится в ВТ как 'сообщение', 'проповедование христианской веры'.

Некоторые же выражения или сочетания, выступающие в коранических переводах, находят подтверждение в словарях польского языка, и частично также в библейских переводах: ср., *dobra nowina* (K3), *słowo Boże* или *słowa Boże*, *słowo Boskie* (KB1) и появляющиеся в KB1 номинации *święte księgi* / *księgi święte*, *księga prawa*, *księgi Zakonu* (*Bożego*, *Pańskiego*), *księga Psalmów*, *pięć ksiąg Mojżesza*, *księga Boża* (выступает также в T1), *księga boska*, *pismo*

Boże / Boże pismo, pismo święte, pisma święte, pisma objawione, а также *pisma prawdziwe* (KB2).

Сочетания же *światło wiary* (KB1), *nauka boża* (или *boska*) (KB1), *prawdziwa nauka* (KB1) даются в значении ‘правил веры, религии или конкретного вероисповедования’, а не ‘книги’; и также содержащееся в KB2 выражение *jasny dowód* (в мн. ч. *jasne dowody*) отмечается уже в SPolXVI (*jasny dowod*), но в значении ‘доказать что-то’, ‘свидетельство’; подобно тому как *oczywisty dowod*. Но слово *dowód* использовалось в среднепольский период в религиозных полемиках, также в контексте записанного Слова Божьего, что подтверждается в SPolXVI. Выступающее в SPolXVI выражение *taska niebieska* тоже не относится к книге. В SPolXVI отмечается и *obietnice Pańskie* (KB1), но в значении ‘обещания чего-то’. Там же указывается на выражение *dekret boski, boży, Boga Ojca*, но в значении ‘приговора’. В SPolXVI выделяется и выражение *prawidło wiary* в отношении к Апостольскому символу веры; ср. *prawidło wszystkich spraw ludzkich* в отношении к религии (SWil II: 1194).

Таким образом, большинство выражений, появляющихся в польских коранических переводах, создает оригинальную кораническую фразеологию. Но переводы Корана на польский язык (особенно KB1 и KB2) отличаются друг от друга в этом отношении, потому что каждый из них характеризуется присущим только ему каноном фразеологических сочетаний. В KB1 можно привести выражения, в которых стержневым словом является *księga* – ср. *mądra księga, księga najwyborniejsza, księga nauki, księga nauczająca prawdy, księga oczywistości, księga ogłaszająca prawdę, księga prawideł, księga przestrogi, księga przestrogi, księga przystana wiernym, księgi starożytne, księga szacowna, księgi wybrane, księga z Nieba, księga z nieba zestana / księga zestana z nieba, księga zawierająca mądrość, księgi ze świadectwem prawdy, księga zestana przed Koranem, księga zestana po Mojżeszem, najlepsza księga, przepowiedziana księga* и т. д., а в KB2 выступают одновременно расширенные номинальные фразы типа *droga prosta dla bogobożnych, droga prosta dla synów Izraela, miłosierdzie dla ludzi, którzy wierzą, miłosierdzie dla tych, którzy wierzą, miłosierdzie dla czyniących dobro, napomnienie dla ludzi bogobożnych, napomnienie dla tego, kto się obawia, napomnienie dla świętów, objawienie Tego, który stworzył ziemię i niebiosy wyniosłe, objawienie Potężnego, Litościwego* и т. д., подобно тому, как и выражения типа *księga błogostawiona, księga jasna / jasna księga, księga mądra, księga prosta, księga (twojego) Pana, księga wspaniała, księga z nieba, Koran arabski, Koran jasny, Koran wspaniały, Koran pełen mądrości, Koran szlachetny, cudowny Koran* и т. д.

Из проведенного анализа ясно вытекает, что памятники письменности литовско-польских татар, а также печатные переводы Корана – это две разные группы текстов.

Религиозная письменность польских мусульман (в области анализируемой лексики) характеризуется высокой частотностью арабской и турецкой терминологии, перенятой в своем первоначальном виде или претерпевшей изменения под влиянием славянских языков, из-за чего подчеркивается ее

непереводимость, а тем самым отсутствие адекватных лексических и семантических эквивалентов в польском языке. Употребление иноязычной терминологии является также условием точности и однозначности перевода. Если же предпринимается попытка перевести эту терминологию, становится очевидным влияние христианской лексики и фразеологии на язык ислама, исповедуемого татарами Великого княжества Литовского с XIV века, что изображает процесс взаимного проникновения и влияния двух монотеистических религий в условиях их сосуществования в христианской среде, длившийся несколько веков:

Ища объяснения влияния христианства на ислам, следует учесть тот факт, что в XVI веке в Великом княжестве Литовском распространялись реформатские и контрреформатские идеи... Ничего удивительного в том, что в содержании и языке польских и белорусских религиозных переводов мусульманских текстов находятся слова, обороты и фразы, выступающие, например, в арианских сочинениях, особенно в переводе Библии Будного... несомненно, тщательно наблюдаемые литовско-польскими мусульманами, реформатские идеи распространялись прежде всего в польском языке... Говорившие и писавшие об исламе на польском языке XVI века (а также позднее) литовско-польские мусульмане, переводя свои религиозные тексты (включая Коран), были вынуждены адаптировать христианскую религиозную терминологию для выражения мусульманского конфессионального содержания (ŁAPICZ 2007: 113–115).

Кроме этого наблюдаются поиски наиболее адекватных эквивалентов среди языковых средств родного языка, в результате которых появляются новаторские переводческие решения: например, *dyrekcyjja*, *dekret Boży*, *sądzi-ciel* как названия Корана или *paragraf* как эквивалент ар. *āya*[t], т. е. ‘знак, строфа’. Поиски адекватной эквиваленции привели и к тому, что в религиозных текстах мусульман выступают лексические и семантические дубликаты: например, *kitab* – *księga*, *paragraf* – *werset*, *mewni* – *wykład*.

Среди коранических переводов ярко отличается KB1 из-за разной эквивалентности: например, ар. *tanzīl* передается как *pochodzić od*, *zostać*, *czynić obietnice* – ср. *objawienie* (KB2, K3), а также *zwiastun* (KB2); ар. *hudan* переводится как *prawidło spraw*, *prawidło obowiązków*, *prawidło wiary*, *światłość*, *światło*, *przewodnik*, *skład świętej wiary*, *skład prawdziwej wiary* / *skład wiary prawdziwej* – ср. *przewodnictwo*, *prawda* (KB2, K3), или *droga* и *droga prosta* (KB2) и т. д. Он проявляет больше, чем в других переводах Корана, амплификационных тенденций, и тем самым – высокую частотность терминологических сочетаний, среди которых преобладают структуры, состоящие из двух слов: например, ар. *kitāb* – это *święte księgi* / *księgi święte*, *pismo nasze*, *pismo święte*, *święte tablice*, *pięć ksiąg*; хотя кроме них выступают также состоящие из большого количества слов номинации более сложной структуры: ср. *skład świętej wiary*, а также *skład prawdziwej wiary* / *skład wiary prawdziwej* как перевод ар. *hudan*, или особая фразеология, часто перенятая из библейских книг или католической традиции: ср. *taska niebieska*, *skład wiary* и др.

Источники

- BB = *Biblia brzeska* [Брестская Библия]. Clifton–Kraków, 2003.
 BG = *Biblia gdańska* [Гданьская Библия]. *Nowy Testament*. Kraków, 1996.
 BN = *Biblia nieświejska* [Несьвежская Библия]. Nieśwież, 1572. [Старопечатная книга, хранимая в Библиотеке Варшавского университета.]
 BT = *Biblia Tysiąclecia* [Библия Тысячелетия]. Poznań–Warszawa, 1980.
 BW = *Biblia*. Przekład J. Wujka. Warszawa, 2000. [Транскрипция типа «В» оригинального текста из XVI в.]
 K3 = *Święty Koran*. London, 1990.
 KB1 = *Koran*. Przekład J. M. Tarak-Buczackiego. Warszawa, 1858. [Перевод основан на Коране в переводе филоматов Д. Хлевинского и И. Домейко. Poznań, 1848.]
 KB2 = *Koran*. Przekład J. Bielawskiego. Warszawa, 1986.
 WzK = *Wersety z Koranu* [Строфы из Корана]. Sarajewo, 1935.
 Ww = *Wykład wiary machometañskiej czyli iślamskiej* [Лекция веры магометанской, то есть исламской]. Wilno, 1830.

Литература

- AKINER 1973 = AKINER S. The Byelorussian Tatars and their Writings. *The Journal of Byelorussian Studies* 1973/2: 55–84.
 BIEŃKOWSKA 1999 = BIEŃKOWSKA D. *Słownictwo i frazeologia w Psalterzu przetłóżonym przez ks. Jakuba Wujka (1594)*. Łódź, 1999.
 DŁUGOSZ-KURCZABOWA 2007 = DŁUGOSZ-KURCZABOWA K. *Szkice z dziejów języka religijnego*. Warszawa, 2007.
 JANKOWSKI-ŁAPICZ 2000 = JANKOWSKI H., ŁAPICZ Cz. *Klucz do rajy. Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku*. Warszawa, 2000.
 KWILECKA 2003 = KWILECKA I. *Studia nad staropolskimi przekładami Biblii*. Poznań, 2003.
 ŁAPICZ 1986 = ŁAPICZ Cz. *Kitab Tatarów litewsko-polskich*. Toruń, 1986.
 ŁAPICZ 2007 = ŁAPICZ Cz. Z zagadnień przekładu muzułmańskiej terminologii modlitwowej na język polski i białoruski. In: *Z przeszłości i terażniejszości języka polskiego. Księga pamiątkowa dedykowana Teresie Friedelównie*. Toruń, 2007. 99–117.
 MEREDITH-OWENS-NADSON 1970 = MEREDITH-OWENS G. M., NADSON A. The Byelorussian Tatars and their Writings. *The Journal of Byelorussian Studies* 1970/2: 141–176.
 MIŠKINIENĖ 2001 = MIŠKINIENĖ G. *Sieniausi lietuvos totorių rankraščiai. Grafika. Transliteracija. Vertimas. Tekstų struktūra ir turinys*. Vilnius, 2001.
 SOBOTKA 2006 = SOBOTKA P. Od predykacji do nominacji: próba rekonstrukcji żydowskiej wizji Boga na przykładzie Jego biblijnych i talmudycznych określeń. In: *Czynić słowami. Studia ofiarowane Krystynie Długosz-Kurczabowej*. Warszawa, 2006. 295–305.
 SPoLXVI = *Słownik polszczyzny XVI wieku*. T. I–XXXII. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1966–2004.
 STANKIEVIČ 1933–1934 = STANKIEVIČ J. Příspěvky k dějinám běloruskeho jazyka na základě rukopisu „Al-Kitab”. *Slavia* 12 (1933–1934): 357–390.
 SWil = *Słownik języka polskiego*. T. I–II. Wilno, 1861.
 WORONOWICZ 1935 = WORONOWICZ A. *Kitab Tatarów litewskich i jego zawartość*. *Rocznik Tatarski* 2 (1935): 376–394.
 WOŹNIAK 2002 = WOŹNIAK E. *Słownictwo i frazeologia Psalterza Krakowskiego (1532) na tle ówczesnych przekładów biblijnych*. Łódź, 2002.